

ЗАБЫТЬ ИСТОРИЮ

А.А. Карпенко
Независимый политолог

Аннотация: *В работе рассматривается проблема политизации истории. Вмешательство государственной власти и иных политических субъектов в историческую науку превращает прошлое в инструмент политической борьбы. Различные политические группы используют прошлое как инструмент легитимизации собственной политики и манипуляции общественным сознанием, что приводит не только к расколу внутри общества, но и к межнациональным конфликтам. Для преодоления проблемы политизации истории и раскола общества предлагается «забыть историю», используя принцип «занавес неведения» теории справедливости Джона Ролза.*

Ключевые слова: *государство, политизация истории, легитимность, «забыть историю», «занавес неведения».*

На протяжении не менее чем 15 лет государственная власть в России обеспокоена вопросом прошлого, исторической памяти. Демонстрирует это не только различные инициативы по написанию единого учебника истории, комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам Российской Федерации, прекратившая существование в 2012 году, создание «Российского военно-исторического сообщества», но и изменения в Конституции РФ в 2020 году, введением статьи 67.1, где зафиксировано «...обеспечивает защиту исторической правды» [Конституция РФ]. Откуда государевы мужи знают историческую правду, остаётся вопросом открытым. Но интерес господствующей политической элиты к теме исторической памяти очевиден и на уровне риторики и на правовом уровне.

Такое обращение к истории не случайно. Любое государство претендует на возраст жабы, стремиться придать большее значение собственной истории и политической конъюнктуре [Макаренко 2009: 7–8], что позволяет через апелляцию к прошлому легитимизировать настоящее, в том числе территориальные претензии или экспансию. Апелляция к прошлому со стороны государства, нации, этноса, класса, социальной группы даёт моральное оправдание своим действиям, предвкушая чувство совершающейся или свершившейся «исторической правды», «справедливости». Поэтому образы, риторика, враги прошлого используются политическими элитами и интеллектуалами их обслуживающими в манипулятивных целях. В результате вмешательства государственной власти и других политических сил в историческую науку происходит политизация истории, то, что предлагалось рассматривать с точки зрения концепта дрессированной истории [Карпенко 2015]. Прошлое становится орудием пе-

рехвата политической повестки [Курилла 2022: 76] и политической борьбы, а политический язык заменяется языком истории [Курилла 2022: 7–10, 207]. Необходимо учесть и особенность русской культуры, отмеченную Ю. Пивоваровым, основное качество которой властечентричность. «Русская власть» – это власть-насилие по природе и методам её осуществления. Власть выступает в качестве «моносубъекта» русской истории, по сути, решая все за граждан [Труды по руссиеведению... 2009: 289–291]. В связи, с чем государственная власть стремится не только к созданию «правильного» образа прошлого, но и к полной монополизации истории. Другие исторические нарративы, не вписывающиеся в генеральную линию, подвергаются вытеснению на периферию общественного сознания, маргинализации или попросту забвению.

Образ прошлого также важен. Претензия на возраст жабы связан с величием, значит, и прошлое должно быть великим, героическим. Великое, героическое прошлое, как отмечал В. Шнирельман, автоматически обеспечивает великое будущее [Реальность этнических мифов... 2000: 15]. В соответствии с этим и герои необходимы подобающие. Кто ведёт борьбу с врагами внешними и внутренними государства, которое нередко сращивается с понятием Родины (Отечества). Кто спас государство от развала, от утраты духовности. В связи с нарастающей конфронтацией между Россией и государствами Запада, эксплуатируется определённый образ князя Александра Невского, 800-летие которого праздновалось в 2021 году, как защитника Руси от католицизма и западных захватчиков, а другие аспекты его деятельности отступают на второй план или подвергаются забвению.

Запрос части общества на «сильную руку», «сильное государство», возрождение великой державы вернуло в центр общественных дискуссий фигуру Иосифа Сталина. Вновь возник вопрос, а победили бы без И. Сталина? Образ Великой победы тесно связан с фигурой Сталина, тоталитарным политическим режимом, государственным террором и массовыми репрессиями. Но быть наследниками и продолжателями дела победителей значительно комфортней, престижней, чем быть наследниками палачей. Тем более для части граждан фигура И. Сталина это символ могущества государства. Поэтому сторона сталинизма с его массовыми репрессиями, голодом, раскулачиванием, насильственной коллективизацией, ГУЛАГом, государственным террором оказалась не нужной. И здесь сталкиваются памяти жертв и палачей. Жертвы не хотят остаться забытыми, и оставить забытыми своих палачей.

Но победа в Великой Отечественной войне стала главным мобилизационным и легитимизирующим ресурсом [Курилла 2022: 156–157; Константинов 2015: 227–228], для политической системы президента России Владимира Путина и реализуемой государственной политики. А поэтому память о преступлениях сталинского режима, только омрачает картину великого прошлого. Стремление государственной власти ликвидировать организацию «Мемориал» [Заявление ОВД-Инфо... б/г], подтверждает тот факт, что жертвы не вписываются в единственно «правильную» версию прошлого, утверждённую господствующей кликой. В современность переносятся образы врагов прошлого внешних и внутренних. Идея осаждённой крепости требует образ врага внешнего, которым вновь стал коллективный Запад. Внутри государства всегда находятся агенты, шпионы, вредители врага внешнего, которые не желают процветания своему народу, а всячески ему вредят. Если в СССР таких называли «врагами народа», «контрреволюционерами», «шпионами», «вредителями», «саботажниками» и т. д., то в современной России стали именовать «иноагентами». Закон об иностранных агентах стал репрессивным механизмом в руках государственной власти для борьбы со всеми, кто не принимает генеральную линию политического режима. Любые альтернативы стали расцениваться как происки врагов.

Подмена политического языка историей приводит к опрокидыванию политики в прошлое, что способствует не только стагнации и в дальнейшем регрессу общества, поскольку ориентируется на сохранение статус-кво, оправдывая своё существование прошлым, а не на прогресс, но и порождает политический произвол. Политический произвол существует под

прикрытием «воли Бога», «здорового смысла», «цивилизационных вызовов», «исторических закономерностей» и тому подобного религиозного и научного жаргона. Значимость любого факта и события устанавливается политиками и обслуживающими их учёными задним числом и «задним умом» [Макаренко 2002: 10–11].

Политизация прошлого, «войны памяти», «мемориальные битвы» и многое другое, связанное с исторической памятью и коммеморативными практиками, явление характерное не только для России, но и для многих других государств, в том числе европейских и США. Россия в этом вопросе не уникальна, хотя и обладает рядом особенностей. Но такие «войны памяти» порождают внутренние конфликты в обществе, приводят к расколу, и никак не способствуют объединению и формированию нации. Политизация истории порождает не только внутринациональные, но межнациональные конфликты [Конфликтогенный потенциал... 2015].

Что понимается под утверждением: «Забыть историю»? Безусловно, это не значит, что необходимо запретить историю как науку или учебную дисциплину, или формировать историческую память различным социальным группам и институтам, в частности и государству. Нет! «Забыть историю» значит: во-первых, государственная власть должна прекратить вторгаться в сферу деятельности профессиональных историков; во-вторых, государственная власть, политические элиты, апеллирующие к определенным вариантам сконструированного прошлого, как способу мобилизации и легитимизации политического режима демонстрирует полную некомпетентность и бездарность в вопросах принятия и реализации политических решений. Поскольку в таком случае происходит подмена актуальных политических, социальных, экономических и других проблем надуманными вопросами о фальсификациях истории. В сущности, власть целенаправленно сдвигает фокус общественного внимания с современности в прошлое. В этом смысле главный тезис можно сформулировать следующим образом, что никакое государство не может быть легитимным через апелляцию к историческому наследию, прошлому. Так как государство не обладает политической правотой, научной истиной, а тем более исторической правдой [Макаренко 2005: 159].

Что может выступать в качестве критериев легитимности? Не претендуя на окончательное решение проблемы, отметим некоторые возможные варианты.

В.П. Макаренко рассматривая солипсизм (одинокое Я) отмечает: «Принцип нормативно-оценочного солипсизма означает: любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. Но в любом случае она реализуется одиноким индивидом, который находится в совершенной изоляции от общества. Тем самым внесоциальные ценности есть критерии политических оценок и основание политических дебатов» [Макаренко 2002: 46]. Внесоциальная ценность – это та ценность, которая реализуется отдельным индивидом, даже если он единственный на планете. К таким внесоциальным ценностям относятся: польза, личная автономия, негативная свобода, материальное благосостояние и пассивное равенство. Такие внесоциальные ценности аналитическая политическая философия считает главными политическими благами и критериями политической оценки [Макаренко 2002: 47–48]. В какой мере государства реализуют такие ценности?

Другой вариант критериев легитимности государства можно почерпнуть из работы Стивена Пинкера «Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса». Автор задаётся вопросом, что такое прогресс и можно ли дать определение свободное от субъективности и специфичности культур. Стивен Пинкер пишет: «Большинство людей сходятся во мнении, что жизнь лучше смерти. Здоровье лучше болезни. Полный желудок лучше голода. Изобилие лучше нищеты. Мир лучше войны. Безопасность лучше жизни под угрозой. Свобода лучше тирании. Равные права лучше нетерпимости и дискриминации. Грамотность лучше безграмотности. Знание лучше невежества. Интеллектуальное развитие лучше ограниченности. Счастье лучше несчастья... Все эти вещи можно измерить. И если со временем их стало больше, значит, произошёл прогресс» [Пинкер 2021: 73]. Все это ценно-

сти гуманизма, как сам отмечает автор. Если государство предлагает милитаризацию жизни, становится военным лагерем, нарастают гонения на естественные права человека и гражданские свободы? Легитимно такое государство?

«Забыть историю» предлагаем понимать и в ином значении, не противоречащем, но скорее дополняющее предыдущее. Выше было указано, что политизация исторических нарративов порождает раскол внутри социума, поскольку каждый нарратив культивирует свои базовые ценности, и стремится к гегемонии. По мнению И. Куриллы, в России «...традиционно репрезентации прошлого расколота у нас по идеологическим линиям. Наиболее выражено здесь противопоставление государственнического нарратива нарративу свободы» [Курилла 2022: 41]. Стремление государственной власти навязать обществу «истинный» вариант прошлого только усугубляет раскол, что препятствует формированию нации, которая основана, в частности, на общей исторической памяти и судьбе. И в этом смысле историческая память оказывается не союзником нации, а скорее её противником. Вопросы и проблемы истории необходимо оставить профессиональным историкам и другим учёным. Гражданами должны быть выработаны, в ходе абсолютно свободного и открытого диалога с максимально возможным количеством субъектов, конституирующие основы общественно-политической системы. При этом прошлое остаётся за «скобками» такого диалога. Российская Федерация государство, образованное в 1991 году, вот что может служить отправной точкой. Необходима дистанция [Макаренко 2009: 6] к вопросам исторической судьбы России, идеи мессианства в любом её варианте, идеологическом, религиозном, цивилизационном, к борьбе западников, славянофилов, евразийцев о пути и судьбе России.

Для выработки дистанции и преодоления социо-культурного раскола предлагается использовать принцип «занавес неведения», предложенный Джоном Ролзом в его теории справедливости. Дж. Ролз отмечает: «Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга. При данных обстоятельствах исходного положения, симметрии отношений среди индивидов, эта исходная ситуация справедливости честна для индивидов как моральных личностей, т. е. как рациональных существ, смею надеяться, имеющих свои собственные цели и способных к чувству справедливости. Исходное положение, можно сказать, — это подходящий исходный статус-кво, и следовательно, фундаментальные соглашения, достигаемые в нем, справедливы» [Ролз 1995: 26–27]. Использование данного принципа позволит «переучредить общественный договор», сформулировав конституирующие принципы и «правила игры» (Д. Норт) социально-политической системы без апелляции к прошлому. Определить базовые ценности и характер взаимодействия между гражданами, гражданами и государством. Следование и выполнение конституирующих принципов может выступать основой легитимности государства, и социально-политической системы в целом.

Заявление ОВД-Инфо... б/г. *Заявление ОВД-Инфо: ликвидация «Мемориала» — это приговор всему гражданскому обществу.* — Доступно: <https://ovdinfo.org/articles/2021/11/12/zayavlenie-ovd-info-likvidaciya-memoriala>. — Проверено: 13.12.2021.

Карпенко А.А. 2015. Дрессированная история: попытка создания концепта. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 5. — С. 72–80.

Константинов М.С. 2015. Политический цинизм в контексте российско-украинской войны (статья 1). — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 2. — С. 225–230.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/. – Проверено: 20.02.2022.

Конфликтогенный потенциал... 2015. *Конфликтогенный потенциал национальных историй (сборник научных статей): Материалы Международного научно-методологического семинара, г. Казань, 26 марта 2015 г.* / Отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. – Казань: Изд-во «Юниверсум». – 229 с.

Курилла И. 2022. *Битва за прошлое: Как политика меняет историю* / Иван Курилла. – М.: Альпина Паблишер. – 232 с.

Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия*. – М.: Праксис, 2002. 416 с.

Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. – М.: Праксис. – 368 с.

Макаренко В.П. 2009. Проблема дистанции при описании социополитической динамики России. – *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. – № 1. – С. 5–17.

Пинкер С. 2021. *Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса* / Стивен Пинкер; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн. – 626 с.

Реальность этнических мифов... 2000. *Реальность этнических мифов*. Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф. – 99 с.

Ролз Дж. 1995. *Теория справедливости* / научный редактор издания профессор В.В. Целищев. – Новосибирск. Издательство Новосибирского Университета.

Труды по россиеведению... 2009. *Труды по россиеведению: Сб. научн. тр.* / РАН. ИНИОН. 2009. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. – М., Вып. 2. – 466 с.